

© 2023

Борис Хейфец

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук (Москва, Российская Федерация);
(e-mail: bah412@rambler.ru)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН. НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

В статье дается оценка ключевых аспектов активизировавшейся научной дискуссии по вопросам глобализации и деглобализации в период коренных трансформаций мировой экономики. На основании критического осмысления многочисленных исследований зарубежных и российских авторов, а также собственного анализа, показывается, что глобализация является системным процессом, в то время как деглобализация может быть характеристикой лишь отдельных периодов его развития. Появились новые угрозы глобализации, прежде всего — фрагментация мировой экономики, усиление самодостаточности в экономической политике. Особое значение получает виртуальная цифровая глобализация, которая станет главным направлением глобализационного развития в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: деглобализация, слоубализация, экономические войны, фрагментация, суверенизация, импортозамещение, виртуальная глобализация.

DOI: 10.31857/S020736760027077-3

Новые реалии глобального развития. Дискуссия по различным проблемам глобализации мировой экономики, которая велась последнее 20-летие, особенно активизировалась в связи с ростом сторонников смены тренда глобализации на деглобализацию. Для этого было несколько объективных причин. Прежде всего, необходимо выделить глобальный кризис 2008—2009 гг., который вызвал необходимость перехода на новые модели с более низкими темпами роста экономики и доходов потребителей, а также с форсированием крупных структурных изменений с учетом революционных требований технологического прогресса.

Важную роль также сыграли региональные дезинтеграционные процессы, наиболее ярким проявлением которых стал Brexit, а также политика экс-президента США Д. Трампа по выходу из прежних американских соглашений о свободной торговле или серьезному их пересмотру.

Новым фактором стала масштабная экономическая и технологическая война двух экономических супердержав — США и Китая, которая сделалась мощным драйвером ускоренного формирования биполярного экономического и технологического пространств в глобальной экономике.

Разрушительным феноменом явилась пандемия COVID-19, остановившая не только международные перемещения туристов и мигрантов, но и подорвавшая нормальную работу важнейших секторов промышленности, транспорта, сферы услуг.

Наконец, особенно необходимо выделить геополитический кризис 2022—2023 гг., который вызвал крупнейший вооруженный конфликт в Европе, невиданные ранее санкционные войны и возрождение холодной войны. В таких

условиях стали активно развиваться такие деглобализационные тренды, как фрагментация, самодостаточное развитие и импортозамещение в целях укрепления экономической и технологической безопасности.

В новых реалиях требуется взвешенная переоценка процессов дальнейшего развития глобализации, так как от этого будет зависеть видение нового мирового экономического порядка, а также перспектив перенастройки международных отношений и всей системы международного разделения труда. Это непосредственно касается выработки новых глобальных национальных стратегий экономического развития, что потребует в дальнейшем пересмотра значительного числа многосторонних и двусторонних международных соглашений.

Данные вопросы не находят должного отражения в научной литературе и нуждаются в дальнейшем всестороннем обсуждении. Кроме того, анализ изменившейся ситуации позволит пересмотреть позицию по многим старым спорным вопросам этой проблематики, по которым также важно выработать новые адекватные ответы как в теоретическом, так и в практическом плане.

Два основных подхода к началу глобализации. В частности, существуют две разные позиции по поводу начала экономической глобализации, которые переносятся и во многие учебники по мировой экономике. Данный вопрос является самым «старым» в дискуссии о глобализации, но не находит до сих пор однозначного ответа.

Итак, одна группа авторов считает началом глобализации 1980-е годы (в некоторых работах фигурируют и 1970-е годы). Эти авторы рассматривают процесс глобализации как новую стадию интернационализации экономической жизни, ведущую к принципиально иному качеству взаимосвязи и взаимозависимости национальных экономик. В это время появились комплексные работы, исследующие глобализацию не только в экономике, но и социальной сфере, политике, что также говорит о качественных отличиях глобализации, от процессов интернационализации, происходивших в предыдущие периоды.

Другая позиция заключается в том, что глобализация начала развиваться 100, 200 или даже более лет назад, что было связано в первую очередь с развитием различных международных торговых и финансовых связей. Тем самым сторонники «долговременной» глобализации не учитывают принципиально отличающихся характеристик процесса интернационализации хозяйственной жизни за последние 40–50 лет по сравнению с его очень продолжительным предыдущим периодом.

Среди важнейших таких отличий А.Д. Некипелов отмечал: распад мировой социалистической системы, в результате чего рыночная экономика стала универсальной формой организации хозяйственной жизни; появление глобальных проблем экономического развития (охрана окружающей среды, растущее неравенство, усиление задолженности и т. п.); переход к системе плавающих валютных курсов и дерегулирование международных потоков финансового капитала;

изменение институциональной структуры мировой экономики, когда наряду с национальными государствами важными субъектами международных отношений стали мультинациональные компании (МНК), международные институты, включая региональные объединения [1]. Все это привело к принципиальному расширению масштабов интернационализации хозяйственной жизни, и самое главное, к кардинальному изменению ее качества, которое не наблюдалось на предыдущих этапах развития мировой экономики.

Ю.В. Шишков подчеркивал, что «глобализация — это качественно новая стадия интернационализации (преимущественно в экономическом ее аспекте) на том историческом этапе, когда последняя приобрела всемирный охват, то есть во второй половине XX в., и особенно в последние десятилетия [2. С. 16].

О.Т. Богомолов в опубликованном в 2007 г. авторском учебнике «Мировая экономика в век глобализации» писал, что в связи с целым рядом новых качественных черт экономическую глобализацию можно выделить в особую стадию интернационализации экономической жизни, отличную от начала или середины прошлого века [3. С. 14].

Новое качество глобализации, которая, как подчеркивает У. Робинсон, началась в 1980-е годы, характеризуется не только тем, что экономическая деятельность расширяется через национальные границы, но и тем, что происходит транснациональная фрагментация этих видов деятельности. Это означает, что одна пара обуви может быть изготовлена шестью разными странами, каждая из которых вносит свой вклад в часть производственного процесса [4]. Иными словами, отличительным признаком глобализации является ускоренное развитие международного единичного разделения труда, обособление производства отдельных компонентов и технологических процессов.

Среди сторонников «долговременной» глобализации наибольшее распространение получила позиция о начале глобализации в последней трети XIX века. Для ее иллюстрации используется динамика соотношения внешнеторгового оборота и ВВП, которая отражена на рис. 1.

Данную диаграмму можно толковать по-разному. Во-первых, как две волны глобализации, которая началась с индустриализации 1870–1914 гг., остановленной Первой мировой войной, и возродилась в 1980–2008 гг. Во-вторых, как пять стадий глобализации, характеризующих ее подъемы и спады. В-третьих, как наступление нового этапа — ослабления глобализации или деглобализации (2008–2021 гг.).

Идею таких двух волн «долговременной» глобализации поддерживают К. Балдвин и П. Мартин [6], К. Постел-Винай [7], Д. Ирвин [8] и ряд других авторитетных авторов.

Концепция двух волн глобализации существует и у апологетов «короткой» глобализации. К ним относятся приверженцы «Глобализации 4.0», называющие ее

новым (вторым) этапом уже современной глобализации, начавшейся в 1980-х годах. При этом первая волна — период бурного развития всех трансграничных экономических связей с 1990-х годов до 2008 г. — часто называется гиперглобализацией [9]. Так, К. Шваб в условиях замедления глобальной торговли и инвестиций утверждал: «реальная проблема заключается в том, что «производство и обмен физическими товарами с каждым годом имеют все меньшее значение. В этом мире глобализация не исчезнет; она углубится. Если в прошлом глобальная интеграция росла по мере снижения торговых барьеров, то теперь она будет опираться на подключение национальных цифровых и виртуальных систем и связанный с этим поток идей и услуг. Это ядро «Глобализации 4.0» [10].

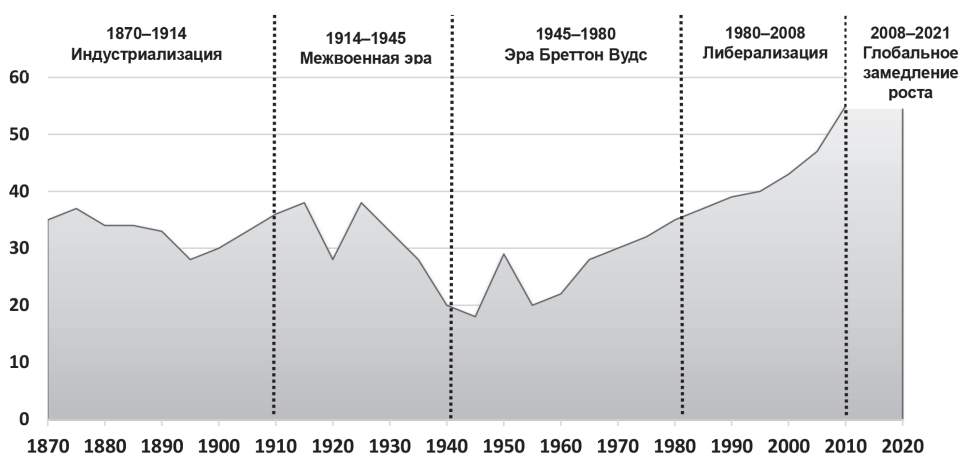

Рис. 1. Изменение открытости экономики (отношение объема внешней торговли к ВВП, %).

Источник: [5, p. 6].

К слабостям позиции сторонников «длительной» глобализации, на мой взгляд, относятся оценки ее развития преимущественно на основании сопоставления внешней торговли и ВВП. Такой подход они объясняют недостаточностью или объективным отсутствием данных по другим транснациональным потокам (финансовым, миграционным и т. п.). Хотя и при таком подходе важнейшим вопросом является корректность сопоставления внешней торговли и ВВП. ВВП определяется как сумма добавленных стоимостей, созданных за определенный период времени, в то время как внешняя торговля учитывает стоимость всех товаров и услуг, которая включает стоимости за прошлые периоды, то есть — повторный счет. А в связи с развитием частного разделения труда и расширением кооперации влияние таких «погрешностей» усиливается.

По оценкам около 80% мировой торговли обеспечивается цепочками поставок, управляемыми многонациональными корпорациями. Торговля промежуточными товарами в 2010-е годы было почти в два раза больше, чем торговля

конечными товарами, тогда как в 1970 г. превышение было в 1,5 раза [11]. Например, Китай оказался в конце многих производственно-сбытовых цепочек, используя сложные компоненты из зарубежных стран, которые вносят существенный вклад в китайский экспорт. В экспорте продукции ИКТ внутреннее производство составляет лишь около половины общей стоимости китайского экспорта. Поэтому при расчетах по добавленной стоимости торговый дефицит США по продуктам ИКТ с Китаем сокращается примерно наполовину по сравнению с валовыми показателями торговли [12, р. 2].

Однако более существенным вопросом в данной дискуссии является недооценка сущности качественных изменений, позволивших говорить о начале эпохи глобализации, о которых уже говорилось выше. Например, важнейшей характеристикой современной глобализации является развитие системы глобального управления мировой экономикой. Об этом можно судить по увеличению числа международных институтов и по росту количества участвующих в их деятельности стран (табл.1).

Таблица 1

Укрепление позиций международных организаций по числу стран-участников

Организация	Начальный этап функционирования	2023 г.
МВФ	1945 г. – 29 стран	190 стран
МБРР	1945 г. – 45 стран	188 стран
ВТО (ГАТТ)	1947 г. – 23 страны	164 страны
ФАО	1944 г. – 44 страны	197 стран
ООН	1945 г. – 51 страна	193 страны
ВОЗ	1948 г. – 61 страна	194 страны

Источник: составлено автором на основании официальных сайтов соответствующих международных организаций.

На новом этапе происходит очевидная консолидация мирового сообщества для решения глобальных проблем. Об этом свидетельствует появление таких совместных решений, как программы ООН «Цели развития тысячелетия» на период до 2015 г. (2001 г., 193 страны) и «Цели в области устойчивого развития» на период до 2030 г. (2015 г., 193 страны), Парижское соглашение по смягчению последствий изменения климата (2015 г., 197 стран), план BEPS (2015 г., 141 страна), общемировой минимальный корпоративный налог (2021г., 137 стран) и некоторые другие.

За последние 30 лет значительно возросла активность участия в международных экономических отношениях МНК. Об этом можно судить по расширению их трансграничной деятельности (табл. 2).

Таблица 2

Расширение трансграничной деятельности МНК

Показатель	1990 г.	2019 г.	Рост в 1991–2019 гг., в %
Активы зарубежных филиалов МНК, млрд долл.	4649	92235	1984
Занятые в зарубежных филиалах МНК, млн человек	20,4	83,6	410
Продажи зарубежных филиалов МНК, млрд долл.	4801	32889	685
Мировой ВВП, млрд долл.	23475	87536	373

Источник: составлено автором по [13, р. 36].

Как видно из таблицы, все показатели международной деятельности МНК росли быстрее мирового ВВП. При этом наиболее существенным было опережение роста активов зарубежных филиалов МНК (почти в 20 раз, т. е. в 5 раз быстрее ВВП).

Поэтому для всесторонней оценки глобализации на современном этапе применяются сложные интегральные показатели, позволяющие учесть влияние комплекса факторов на развитие данного процесса. Такие как KOF Globalisation Index (Индекс глобализации Швейцарского института экономики), который учитывает 24 показателя, объединённых в три основные группы (экономическая глобализация, социальная глобализация, политическая глобализация), Kearney / Foreign Policy Magazin Globalization Index (Индекс глобализации по версии международной консалтинговой компании A.T.Kearney), DHL Global Connectedness Index (Глобальный индекс связности Почты Германии), Индекс глобализации CSGR (Centre for the Study of Globalisation and Regionalisation) университета Уорвика в Великобритании).

Понятие деглобализации. Еще более содержательная дискуссия ведется по деглобализации. Она началась в конце 1990-х годов и касается сущности этого явления, особенностей его проявления, взаимосвязи с экономической глобализацией и т. п.

Д. Родрик, который являлся сторонником отнесения начала первой волны «большой глобализации» к концу XIX века, отмечал неравномерность развития глобализации, считая, что наибольшие выгоды от нее вследствие либерализации торговли в целом завершились к началу 1990-х годов. А затем возрастают

издержки глобализации (от открытия внутренних рынков, усиления неравномерности развития стран и регионов и т. п.) [14]. Д. Родрик выделял одно из главных противоречий глобализации — несоответствие между национальным характером власти и глобальной природой рынков [15].

Дж. Стиглиц критиковал либеральную глобализацию, построенную на принципах Вашингтонского консенсуса за то, что она усиливает неравенство, когда основные преимущества получают более развитые государства в ущерб развивающимся странам. Стиглиц требовал реформы «глобальной экономической архитектуры», так как институты глобального управления, прежде всего МВФ, а также ВТО и Всемирный банк, не могут предотвратить и эффективно урегулировать финансовые и экономические кризисы [16].

У. Белло подчеркивал, что деглобализация не связана с разрывом связей или автаркией; скорее речь идет об обращении вспять нисходящих и гомогенизирующих процессов неолиберальной глобализации [17].

Принципиальный методологический подход к понятию и изучению глобализации и деглобализации был предложен Д. Хелдом, А. Макгрю и их соавторами. Они считают, что глобализацию следует понимать как **исторический процесс**, а не как **точку**, которую мы либо достигли, либо еще не достигли [18].

После глобального кризиса 2008–2009 гг. внимание к проблеме деглобализации значительно усилилось. В этот период появились и более пессимистические оценки, говорящие о завершении глобализации. Например, С. Кинг писал, что глобализация, долгое время считавшаяся лучшим путем к экономическому процветанию, не является неизбежной. Подход, построенный на принципах свободной торговли и с 1980-х годов открытых рынков капитала, начинает разрушаться. В то же время С. Кинг предупреждал, что отказ от глобализации и возврат к «автаркии» может привести к экономическому и политическому конфликту [19]. О тренде к завершению глобализации писали М. Витт [20], Т. Хеймс [21], М. О’Салливан и К. Субраманиан [22] и ряд других авторов, рассматривавших различные причины и последствия этого процесса.

Оригинальное выражение того, что стало происходить с мировой экономикой, дал The Economist, который на основании наблюдавшихся процессов (замедление свободной торговли и инвестиций, проблем с банковскими кредитами, нарушений ГЦС) сделал вывод, что глобализация уступила место новой «эре вялости», которая была названа «слоубализацией» (slowbalisation) [23].

Пандемия COVID-19 оживила дискуссию о деглобализации, когда был опубликован ряд алармистских оценок глобализации. Так, М. Корнпробст и Д. Уоллес писали, что «деглобализация — это движение к менее связанному миру, характеризующемуся могущественными национальными государствами, локальными решениями и пограничным контролем, а не глобальными институтами, договорами и свободным передвижением» [24].

Появились суждения, что многополярный мир с разрушающимися отношениями между крупнейшими экономиками может привести к увеличению доли внутрирегиональных международных потоков и появлению крупных региональных союзов, то есть к укреплению регионального и национального экономического суверенитетов.

Вместе с тем, было и немало публикаций о негативных последствиях деглобализации. Среди них П. Голдберг и Т. Рид называют замедление экономического роста и инноваций, повышение цен и заработной платы из-за снижения иностранной конкуренции в форме торговли и иммиграции, сокращение экспорта и увеличение масштабов нищеты в небольших странах с низкими доходами [25].

Подводя итог, можно констатировать, что в данной дискуссии преобладает взвешенный подход к глобализации как **системному процессу**, а к деглобализации как лишь **одной из характеристик** какого-то этапа развития глобализации, то есть как **временному явлению**, которое может происходить в отдельные периоды развития глобализации. Его выразил С. Прайк, допускающий периоды частичной деглобализации [26]. Того же мнения придерживается и Т. Пауль, пишущий, что глобализация не является линейным процессом, и что даже когда силы деглобализации присутствуют, в мировой системе действуют параллельные силы глобализации [27].

Фрагментация — новая угроза глобализации. Вместе с тем резкое обострение геополитической ситуации в мире и российско-украинский конфликт в 2022–2023 гг. внесли качественно новые элементы в данную дискуссию, значительно усилив влияние политики на оценку глобализации мировой экономики.

Это оживило обмен мнениями о противоречивости замедлившейся глобализации и усилившейся тенденции к суверенизации. Т. Палей считает, что раскол неолиберальной глобализации отражает растущее влияние экономических обид и геополитических противоречий [28]. С. Г. Кирдина-Чэндлер подчеркивает, что столкновение восходящего тренда суверенизации с нисходящим трендом глобализации расшатывает основы мирового порядка [29. С. 7]. Как отмечает С. Мариотти, пандемия и российская спецоперация на Украине внесли в повестку дня стратегию опоры на собственные силы, поставив вопрос о возврате к автаркии, понимаемой как крайняя форма внутреннего экономического национализма, которая приводит к минимизации международных экономических связей [30, р. 774].

В этих условиях новым объектом дискуссий стала фрагментация, которая характеризуется отказом от глобализации и интеграции, обусловленным прежде всего политическими соображениями. Фрагментация проявляется в резком разрыве торговых и финансовых связей, замораживании миграционных потоков и связанных с ними денежных переводов, свертывании международного сотрудничества, ставящих под угрозу предоставление жизненно важных глобальных общественных благ.

Эксперты МВФ и Банка Испании опубликовали первые количественные оценки последствий фрагментации. Они посчитали, что стоимость потерь глобального производства в результате фрагментации торговли может варьировать от 0,2% (в ограниченном сценарии фрагментации) до 7% от ВВП (в сценарии сильной фрагментации), а при учете технологической фрагментации в некоторых странах может достигать 8–12% ВВП [31, р. 4].

Конечно, данные весьма существенные оценки следует рассматривать как весьма приблизительные, так как могут быть различные критерии выделения противоборствующих блоков участников фрагментации, а также сложно отделить последствия фрагментации от политики по укреплению национального экономического суверенитета.

В современных реалиях крупные экономики мира (США, Китай, Европейский союз, Индия, Япония, Южная Корея и другие) стали вводить новую промышленную политику (НПП) и усилили экспортный контроль для защиты национальной безопасности и своих экономических преимуществ. Это вызывает значительную перестройку системы международного разделения труда и ГЦС в таких стратегических областях, как новейшие полупроводники, искусственный интеллект, квантовые вычисления, биотехнологии, фармацевтика и «чистая» энергетика. Как отмечают эксперты VCG, цепочки поставок, основанные на технологиях, все чаще вынуждены бороться с растущими геополитическими трениями по поводу национальной и экономической безопасности. Торговля, которая когда-то формировала геополитику, теперь сама формируется геополитикой [32].

Данную тенденцию выделяет О. Буторина, которая пишет о «протекционизме 2.0» и о новом проявлении деглобализации, которым стало «развернувшееся в последнее время противоборство в сфере высоких технологий, а также активное обращение к политике импортозамещения, локализации и защиты своих рынков от нежелательных иностранных инвесторов» [33. С. 34].

В частности, приоритетом в экономической политике Дж. Байдена стало укрепление национальной безопасности. Были приняты: Закон об инфраструктуре — 1,2 трлн долл. в течение 10 лет на дороги, мосты и кабели для новой энергетики; Закон о полупроводниках — 280 млрд долл. для стимулирования производства полупроводников в Америке; Закон о снижении инфляции — 400 млрд долл., прежде всего на субсидии для «зеленой» энергетики. В целом этот объем субсидий превысит примерно в 2 раза общий объем субсидий федерального правительства в предпандемическое десятилетие.

С новыми законами связано множество правил: от требований обязательного производства электробатарей в Северной Америке до ограничений на импорт и экспорт технологий по соображениям национальной безопасности. Так, чтобы получить кредит в размере 7500 долл. на покупку электромобиля, потре-

бители должны купить автомобиль, собранный в Северной Америке. По крайней мере, половина компонентов аккумуляторов в соответствующих автомобилях также должна быть произведена в Северной Америке. Ветряные, солнечные и геотермальные проекты получают более значительные субсидии, если они будут использовать американскую сталь и железо. Примерно половина производимых ими компонентов также должна производиться в Америке.

Китай в 2020 г. провозгласил одной из важнейших целей долгосрочного развития «стратегию двойной циркуляции», задачей которой является перенос центра тяжести экономической политики с «внешней циркуляции» на «внутреннюю циркуляцию». Китай заявил об усилении приоритетов внутренней экономики путем расширения и удовлетворения внутреннего спроса, а также о необходимости сделать собственную экономику более устойчивой к внешним воздействиям.

НПП ЕС ориентирована на три ключевых приоритета: поддержание глобальной конкурентоспособности европейской промышленности и равных условий игры как дома, так и в мире, обеспечение климатической нейтральности Европы к 2050 г. и формирование ее цифрового будущего. В рамках европейской НПП будет вестись работа по Индустрии 5.0 как «путеводной звезде» Новой промышленной стратегии ЕС; по стратегической автономии и устойчивости цепочек создания стоимости; по обеспечению перехода на цифровые технологии для всех; по стратегической автономии в обороне; по национальным планам устойчивости развития и восстановлению и модернизации промышленной политики [34].

Такая практика фактически отвергает логику абсолютных (А. Смит) и сравнительных (Д. Рикардо) преимуществ, согласно которой страны специализируются на производстве продукции, где они наиболее эффективны, и торгуют остальными товарами. Еще больше обостряет данную проблему активно продвигаемая в последнее время концепция «френдшоринга», которая ограничивает сети цепочек поставок до союзников и дружественных стран. Френдшоринг дает дополнительный импульс переориентации торговых потоков ЕС и США на страны АСЕАН, Индию и Мексику.

В то же время точка зрения об отрицательном влиянии политики самодостаточности на глобализацию в долгосрочном плане некоторыми экспертами ставится под сомнение. Оригинальное мнение по данному поводу высказал Т. Коуэн, заявивший, что сегодняшняя промышленная политика не является альтернативой глобализации, а деглобализация — это новая глобализация. В качестве аргументов он отмечает, что даже самая успешная «националистическая» промышленная политика опирается на сильно глобализованный мир. Если промышленная политика проводится строго на основе одной нации, она обречена на провал. Кроме того, преуспев в развитии отдельных отраслей, национальный бизнес будет поддерживать дальнейшую глобализацию [35].

Подобного мнения придерживается и Дж. Грин, который утверждает, что, хотя мы сталкиваемся с серьезными проблемами, глобализация не закончится. Рассматривая эти проблемы в более длительном историческом контексте, он показал, что глобальная экономика более взаимосвязана, чем когда-либо прежде, а затраты на устранение этой взаимозависимости достаточно высоки, чтобы сделать полный крах вероятным [36].

Такую позицию подкрепляют авторы авторитетного доклада о Глобальном индексе связанности DHL, вышедшего в 2023 г., в докладе подчеркивается, что данные о международных потоках торговли, капитала, информации и людей решительно опровергают представление о том, что глобализация уступила место деглобализации. Устойчивость глобальных потоков является прочной основой для «повторной глобализации», в ходе которой глобализация реформируется, чтобы сделаться лучше для всех [37]. Данные выводы иллюстрирует рис. 2, на котором виден бурный рост потоков информационных обменов, наряду с незначительными колебаниями других трансграничных потоков активов.

Рис. 2. Рост трансграничных потоков отдельных активов.

Источник: [38, р. 16].

На рост новых трансграничных потоков обращают внимание и эксперты Глобального института McKinsey, который с 2010 г. ведет систематические наблюдения за данными процессами. Они отмечают увеличение глобальных

транзакций, которое обусловлено нематериальными активами, услугами и талантами. Именно эти потоки подхватили эстафету от торговли товарами, увеличение доли которой в мировой экономике стабилизировалось примерно в 2008 г. после 30 лет быстрого роста. Потоки услуг, иностранных студентов и интеллектуальной собственности росли примерно в два раза быстрее, чем потоки товаров в 2010–2019 гг. В сфере услуг трансфер наукоемких услуг, включая профессиональные услуги, государственные услуги, ИТ-услуги и телекоммуникации, растет быстрее всего (почти на 50% в год) [39].

Перспективы глобализации. На Всемирном экономическом форуме (ВЭФ) в Давосе, который в 2022 г. перенесли с традиционного января-февраля на май, был представлен доклад Центра ВЭФ для новой экономики, выделивший 4 возможных сценария развития до 2027 г. «находящейся на перепутье» глобализации. Это: 1) Глобализация 5.0: воссоединение мира в физическом и виртуальном единстве; 2) Аналоговые сети: виртуальный национализм (технологические инновации, мобильность рабочей силы и энергетический переход будут стагнировать); 3) Цифровое доминирование: гибкие платформы (виртуальная интеграция); 4) Автаркический мир: системная фрагментация (усиление протекционистских мер, которые замедляют торговлю, инвестиции и возможности трудоустройства за границей) [40].

Очевидно, что ни один из этих сценариев не будет реализован в чистом виде, вероятно совмещение отдельных элементов разных сценариев или появление неожиданного гибридного варианта развития событий. Вместе с тем представляется, что сценарий виртуальной интеграции выглядит не только привлекательнее других, но будет если не доминировать, то оказывать определяющее влияние на развитие будущей глобализации. Тем более что отдельные элементы виртуальной цифровой интеграции отмечаются и в трех других сценариях.

Цифровая экономика, которая основывается на таких технологиях, как искусственный интеллект, нейросети, интернет вещей, облачные вычисления, анализ больших данных, блокчейн, разнообразная робототехника, новые средства коммуникаций, 3 D-принтеры и т.п., предоставляет огромные преимущества в экономическом развитии. По прогнозам бизнес-модели, основанные на цифровых технологиях, дадут до 70% прироста ВВП между 2020 г. и 2030 г. в мировой экономике [41].

Идея виртуальной цифровой глобализации тесно связана с концепцией глобализации потребителей. Ведь в конечном счете именно население является потребителем благ, на выпуск которых ориентирована вся экономическая система взаимодействия хозяйствующих субъектов мировой экономики. При этом рост цифровой связанности потребителей, устройств и машин создает сегменты рынка, выходящие за пределы стран [42].

Огромное значение потребителей для глобализации экономики ярко проявилось во время пандемии COVID-19, когда резкое свертывание туристических и миграционных потоков привело к кризису целых отраслей и производств в промышленности, транспорте и услугах, к разрыву многих устоявшихся ГЦС.

О преимущественно виртуальном цифровом пути развития глобализации с ориентацией на потребителей говорит бурный рост социальных сетей. Число пользователей самых популярных из них превышает население самых крупных государств мира (см. рис. 3).

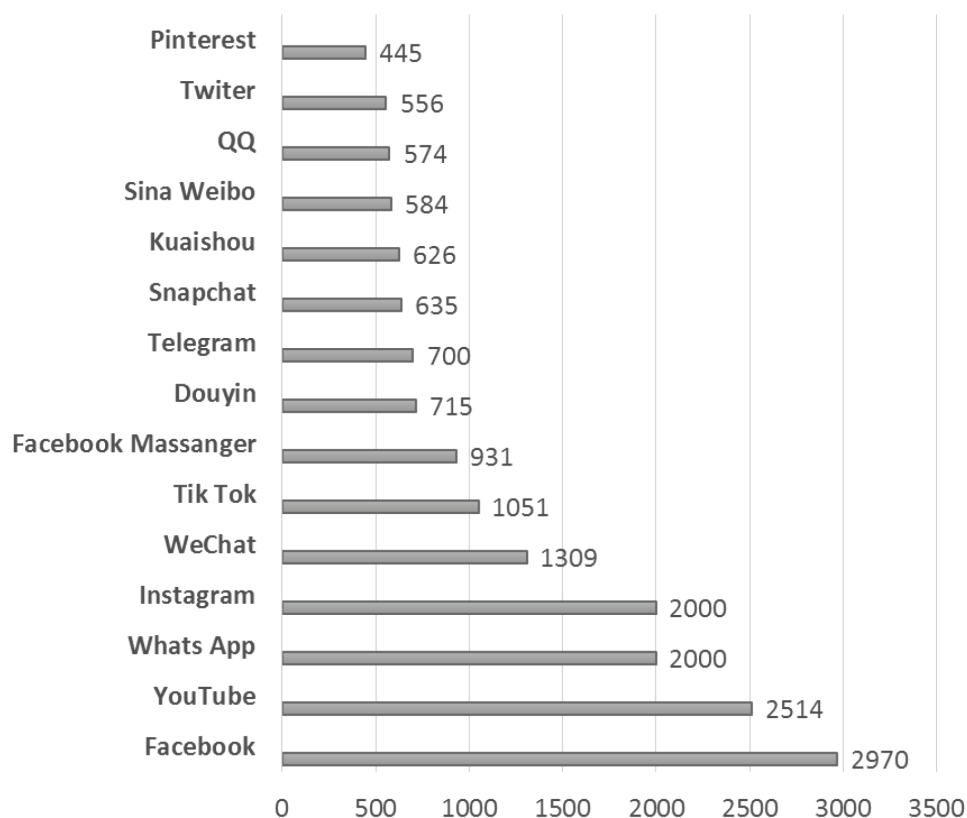

Рис. 3. Число пользователей популярных социальных сетей в мире, на 1 января 2023 г., млн человек.

Источник: составлено автором по [43].

На начало 2023 г. в мире насчитывалось 4,76 млрд пользователей соцсетей, что составляет 59,4% от населения Земли, если же учитывать ограничения для использования соцсетей по возрасту (с 13 лет во многих странах) эта цифра возрастет до 78%. 9 из 10 пользователей Интернета заходят в соцсети каждый месяц, а средний пользователь соцсетей проводит там более 2,5 часов в день [44].

Социальные сети приобретают все большее значение для бизнеса. Они позволяют увеличить охват рынка, включая международные рынки, проводить исследование рынка и сократить расходы на маркетинг; набирать квалифицированный персонал, например, через сайты вакансий, такие как LinkedIn; увеличить доход за счет создания клиентских сетей и рекламы; обмениваться идеями, чтобы улучшить способ ведения бизнеса; следить за своими конкурентами и т.п.

Важную роль в развитии виртуальной цифровой глобализации играет интернет-торговля. По прогнозам, объем трансграничной интернет-торговли B2C (бизнес-потребитель) возрастет в 6,7 раза — с 765 млрд долл. в 2021 г. до 5154 млрд долл. в 2030 г. [45]. При этом в целом интернет-торговля в мире по всем ее категориям будет развиваться более медленными темпами (в 2,6 раза — с 24475 млрд долл. в 2021 г. до 62415 млрд долл. в 2030 г.) [46], что приведет к увеличению ее международного сегмента. Крупнейшими игроками в нем являются Alibaba / AliExpress, Amazon, ASOS, eBay, iHerb, Joom, Lazada, Pinduoduo, Shein, Wish, Zalando, Zooplus.

Новым драйвером виртуальной цифровой глобализации станут цифровые валюты. Несмотря на значительные колебания, прогнозируется, что рынок только криптовалют возрастет к 2030 г. в 2,5 раза по сравнению с 2022 г. (см. рис. 4).

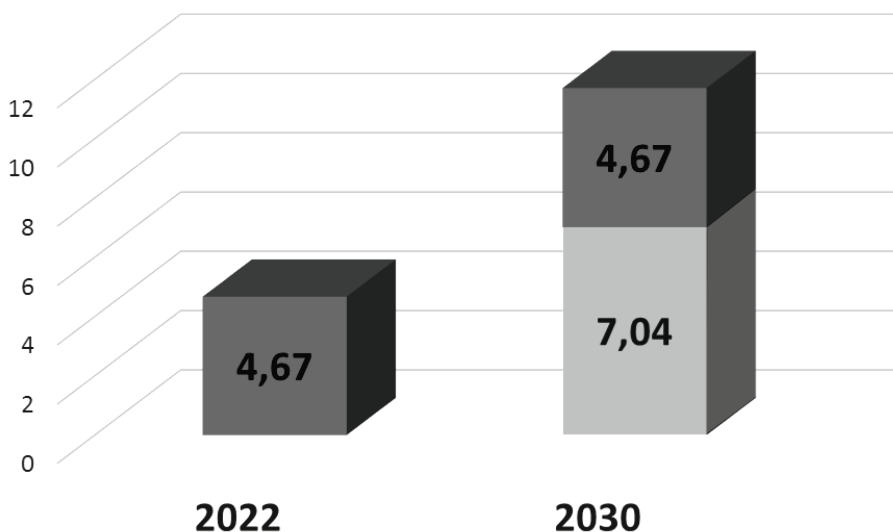

Рис. 4. Глобальный рынок криптовалют, млрд долл.

Источник: составлено автором по [47].

По данным Huobi Research, в 2022 г. в мире насчитывалось около 320 млн пользователей криптовалют, из которых более 40% составляют жители стран Азии. Для сравнения, в 2021 г. число пользователей составляло 295 млн, а в 2020 г. — 101 млн [48].

Фактически можно говорить о криптовалютной глобализации и о становлении системы платежей нового поколения, которая в международных расчетах придёт на смену эпохе господствующих сейчас систем обмена сообщений о банковских платежах SWIFT и систем банковских карт Visa-Mastercard. Новые технологии в этой сфере ориентированы на использование открытого исходного кода, обеспечивающего глобальный доступ для всех потребителей.

Криптовалюта, появившаяся в 2008 г., стала уже важной частью мировой финансовой архитектуры. Она обладает целым рядом преимуществ, особенно востребованных в условиях сегодняшней трансформации всех экономических механизмов глобальной экономики. Она может обеспечить глобальную доступность финансовых услуг для более чем 1,7 млрд человек во всем мире, которые до сих пор не имеют доступа к банковским услугам или пользуются ими недостаточно. Благодаря этому, по оценкам, годовой ВВП стран с развивающейся экономикой вырастет на 3,7 трлн долл. [49].

Широкое использование криптовалюты для трансграничных денежных переводов расширяет денежные потоки из-за снижения потребительских комиссий и комиссий за обмен валют, уменьшения минимальных сумм для инвестирования. Криптовалюта может использоваться для обхода экономических санкций в качестве средства сбережения, позволяющего бороться с инфляцией.

Вместе с тем использование криптовалюты связано с огромными рисками — прежде всего ослабляющими государственную монополию в сфере денежно-кредитной и валютной политики; оно несет огромные угрозы банковской системе и чревато ростом финансового мошенничества и отмывания сомнительных капиталов. Поэтому государственные органы по всему миру стали уделять особое внимание разработке законов, регулирующих обращение криптовалюты, а также изучают возможность введения собственных цифровых валют центрального банка в качестве альтернативы частным криптовалютам.

На конец 2021 г. криптовалюты были разрешены в 20 странах, частично запрещены в 17 и вообще запрещены в 8 странах. В десяти странах G20, на долю которых приходится более 50% мирового ВВП, криптовалюты полностью легальны [50].

Кроме того, по состоянию на начало 2022 г. центральные банки 114 стран, на долю которых приходится более 95% мирового ВВП, изучали возможность введения собственных цифровых валют. Для сравнения, в мае 2020 г. было только таких 35 государств [51].

Выводы. Таким образом, процессы экономической глобализации продолжаются, несмотря на новые вызовы в эпоху фундаментальных трансформаций мировой экономической системы. Они становятся все более сложными и требуют новых подходов для анализа.

Взросший конфликтный потенциал между экономическими агентами обуславливает усиление влияния на оценку глобализации геополитики. Появились новые угрозы глобализации, прежде всего — фрагментация мировой экономики,

вызывающая разрыв сложившихся торговых, инвестиционных и корпоративных связей преимущественно по политическим соображениям. Многие крупные участники мировой экономики стали ориентироваться на усиление самодостаточности экономического развития с целью укрепления своей экономической безопасности.

В то же время, продолжающаяся глобализация приобретает новые формы и все больше отличается от той глобализации, которая началась в конце 20-го века. Особое значение получает виртуальная цифровая глобализация, тесно связанная с глобализацией потребителей. С таких позиций следует подходить к оценке деглобализации, которая является только временной характеристикой системного процесса глобализации, и силы которой способны перебороть антиглобализационные тенденции, усилившиеся в последние 15 лет.

Представленные в данной статье соображения отражают лишь позицию автора и побуждают к дальнейшим научным дискуссиям по данной проблематике, что позволило бы разнообразить и модернизировать подходы к изучению глобализации и деглобализации на современном этапе.

Литература

1. *Некипелов А.Д.* (2001) Глобализация и стратегия развития экономики России. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2001/fp/4/01.pdf>.
2. *Шишков Ю.В.* (2001) Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ // М.: III тысячелетие.
3. *Богомолов О.Т.* (2007) Мировая экономика в век глобализации // М.: Экономика.
4. *Robinson W.* (2011). *Globalization and the sociology of Immanuel Wallerstein: A critical appraisal* // *International Sociology*. Vol. 26. N6. URL: <https://doi.org/10.1177/026858091039337>.
5. *Aiyar, Shekhar, Ilyina, Anna, et al.* (2023). *Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism*. Staff Discussion Note SDN/2023/001. International Monetary Fund, Washington, DC.
6. *Baldwin R., Martin P.* (1999). Two Waves of Globalisation: Superficial Similarities, Fundamental Differences // NBER Working Paper No. 6904. <https://www.nber.org/papers/w6904.pdf>
7. *Постел-Винай К.* (2020). Глобализация 4.0 и новые модели международного сотрудничества // Вестник международных организаций. Т. 15. № 2. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-04.
8. *Irwin D.* (2020) The pandemic adds momentum to the deglobalization trend. 23 April. URL: <https://www.piie.com/blogs/realtime-economics/pandemic-adds-momentum-deglobalization-trend>.
9. *Subramanian A., Kessler A.* (2013). The Hyperglobalization of Trade and its Future. URL: <https://www.piie.com/sites/default/files/publications/wp/wp13-6.pdf>.
10. *Schwab K.* (2019). *Globalization 4.0. A New Architecture for the Fourth Industrial Revolution* // Foreign Affairs. 16 January.
11. *PIIE* (2018). What is the Globalization? URL: <https://www.piie.com/microsites/globalization/what-is-globalization>.
12. *WTO* (2019). *Technological innovation, supply chain trade, and workers in a globalized world*. Geneva: The Research Center of Global Value Chains. 184 p.
13. *UNCTAD* (2022). *World Investment Report*. New York: United Nations Publications. 222 p.
14. *Rodrik D.* (1997) Has globalization gone too far? Washington, D. C.: Institute for international economics. 102 p.

15. *Rodrik D.* (2011). *The globalization paradox: Democracy and the future of the world economy.* W.W. Norton & Company. 345 p.
16. *Stiglitz J.* (2002). *Globalization and Its Discontents* // New York – London: W.W. Norton & Co. 260 p.
17. *Bello W.* (2002). *Deglobalisation: Ideas for a New World Economy.* New York: Zed Books. 132 p.
18. *Held D., McGrew A. et al.* (1999) *Global Transformations: Politics, Economics and Culture.* Cambridge: Polity Press. 515 p.
19. *King S.* (2017). *Grave New World: The End of Globalization, the Return of History.* Yale University Press. May. 304 p.
20. *Witt M.* (2016). *The End of Globalization?* INSEAD. November. URL: https://knowledge.insead.edu/sites/www.insead.edu/files/styles/w_650/public/styles/panoramic/public/images/2016/11/istock-516195121.jpg?itok=TJnoWci7.
21. *Hammes T.* (2016). *The End of Globalization? The International Security Implications.* August. <https://warontherocks.com/2016/08/the-end-of-globalization-the-international-security-implications/>.
22. *O'Sullivan M., Subramanian K.* (2015). *The End of Globalization or a more Multipolar World?* Credit Suisse Research Institute, 17 September. 47 p.
23. *The Economist* (2019). *Slowbalisation: The future of global commerce.* 24 January.
24. *Kornprobst M., Wallace J.* (2021). *What is deglobalization?* 18 October. <https://www.chatham-house.org/2021/10/what-deglobalization>.
25. *Goldberg P., Reed T.* (2023). *Is the Global Economy Deglobalizing? And if so, why? And what is next?* <https://www.brookings.edu/bpea-articles/is-the-global-economy-deglobalizing-and-if-so-why-and-what-is-next/>.
26. *Pryke S.* (2022). *Deglobalisation – What's in a World Word?* 27 July. <https://www.globalpolicyjournal.com/blog/27/07/2022/deglobalisation-whats-world-word>.
27. *Paul T.* (2023). *The Specter of Deglobalization* // *Current History* Vol 122 (840): p. 3–8. URL: <https://online.ucpress.edu/currenthistory/article/122/840/3/195020/The-Specter-of-Deglobalization>.
28. *Palley T.* (2019). *The Fracturing of Globalization: Implications of Economic Resentments and Geopolitical Contradictions.* *Challenge*, Vol.62. N1, p. 49–66.
29. *Кирдина-Чэндлер С.Г.* (2022). *Однополярность, многополярность и биполярные коалиции. XXI век* // *Социологические исследования.* № 10. DOI: 10.31857/S013216250022645-2.
30. *Mariotti S.* (2022). *A warning from the Russian–Ukrainian war: avoiding a future that rhymes with the past* // *Journal of Industrial and Business Economics.* N49. DOI: 10.1007/s40812-022-00219-z.
31. *Aiyar, Shekhar, Ilyina, Anna, et al.* (2023). *Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism.* Staff Discussion Note SDN/2023/001. International Monetary Fund, Washington, DC. 42 p.
32. *Koster A., Lang N. et al.* (2023) *In Uncertain Times, Double Down on Business Ecosystems.* https://www.bcg.com/publications/2023/build-business-ecosystem-resilience-in-uncertain-times?utm_campaign=resilience&utm_content=20230412_ipwarm&utm_description=featured_insights&utm_geo=global&utm_medium=email&utm_source=esp&utm_topic=csuiteresilience&utm_usertoken.
33. *Буторина О.* (2022). *Интеграция vs дезинтеграции: что сильнее?* // *Мир перемен.* № 3. DOI: 10.51905/2073-3038_2022_3_22.
34. *CEPS* (2022). *The New Industrial Strategy for Europe.* 20 p. <https://www.ceps.eu/wp-content/uploads/2022/01/Prospectus-CEPS-Forum-on-the-New-Industrial-Strategy-for-Europe.pdf>.
35. *Cowen T.* (2023). *Deglobalization Is the New Globalization.* 3 February.
36. <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2023-02-03/deglobalization-is-the-new-globalization>
37. *Green J.* (2019). *Is Globalization Over?* *Cambridge: Polity.* 154 p.

38. WEF (2023). Globalization has rallied and is even working better - new report. 15 March. <https://www.weforum.org/agenda/2023/03/globalization-reglobalization-dhl-global-connectedness-index-2023/>.
39. Altman S., Bastian C. (2023). DHL Global Connectedness Index 2022. An in-depth report on the state of globalization. 301 p.
40. Seong J., White O. et al. (2022). Global flows: The ties that bind in an interconnected world. MGI. 15 November. <https://www.mckinsey.com/capabilities/strategy-and-corporate-finance/our-insights/global-flows-the-ties-that-bind-in-an-interconnected-world>.
41. WEF (2022). Four Futures for Economic Globalization: Scenarios and Their Implication. May. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Four_Futures_for_Economic_Globalization_2022.pdf.
42. WEF (2022). Shaping the Future of Digital Economy and New Value Creation. 9 March. URL: <https://www.weforum.org/platforms/shaping-the-future-of-digital-economy-and-new-value-creation>.
43. Bhattacharya A., Khanna D. et al. (2017). Going Beyond the Rhetoric. URL: <https://www.bcg.com/publications/2017/new-globalization-going-beyond-rhetoric>.
44. Statista (2023). Most popular social networks worldwide as of January 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/272014/global-social-networks-ranked-by-number-of-users/>.
45. Datareportal (2023). Global Social Media Overview. URL: <https://datareportal.com/social-media-users>.
46. Researchandmarkets (2023). Global Cross-Border B2C E-Commerce 2023. URL: <https://www.researchandmarkets.com/reports/5305918/global-cross-border-b2c-e-commerce-2023>.
47. Cryptocurrency Market Size, Share & Trend Analysis Report.2023. URL: <https://www.grandviewresearch.com/industry-analysis/cryptocurrency-market-report>.
48. Huobi Research (2022). Global Crypto Industry Overview and Trends [2022–2023 Annual Report]. 8 December. URL: <https://research.huobi.com/#/ArticleDetails?id=356>.
49. International Finance (2022). How Can Cryptocurrency Reshape the Global Economy? 21 March. URL: <https://internationalfinance.com/how-cryptocurrency-reshape-global-economy/>.
50. Kumar A., Brownstein G. and Chhangani A. (2022). Cryptocurrency Regulation Tracker. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/programs/geoeconomics/>.
51. Kumar A., Brownstein G. et al. (2022) Central Bank Digital Currency Tracker. 2 June. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/cbdctracker/>.

Boris Kheyfetz (e-mail: bah412@rambler.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor, Chief Research Fellow,
Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russia)

GLOBALIZATION AND DEGLOBALIZATION OF THE WORLD ECONOMY IN THE ERA OF CHANCE. SOME CONTROVERSIAL ISSUES

The article assesses the key aspects of the revitalized scientific debate on globalization and deglobalization during the period of fundamental transformations of the world economy. Based on a critical understanding of numerous studies by foreign and Russian scholars, as well as on the author's analysis, it is shown that globalization is a systemic process, while deglobalization can be a characteristic of only certain periods of its development. New threats to globalization have emerged, primarily the fragmenta-

tion of the world economy and increased self-sufficiency in economic policy. Of particular importance is virtual digital globalization, which will become the main direction of globalization development in the medium term.

Keywords: deglobalization, slowization, economic wars, fragmentation, sovereignization, import substitution, virtual globalization.

DOI: 10.31857/S020736760027077-3